

ПО СЛѢДАМЪ
ПРЕСТУПЛЕНІЙ

И В А Н
ЛЮБЕНКО

СУПОСТАТ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л93

Художественное оформление
С. Власова

Любенко, Иван Иванович.
Л93 Супостат / Иван Любенко. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 288 с.

ISBN 978-5-04-093724-0

Петроград, февраль 1915 года. Клим Пантелеевич Ардашев, статский советник МИДа, узнает от своей жены о несчастье, постигшем ее модистку, работавшую в ателье «Мадам Дюклэ». Белошвейка Анна Извозова подверглась нападению неизвестного. Ее усыпили хлороформом и ослепили, оставив на лице глубокие рваные раны. Поразительно было то, что их «рисунок» напоминал перевернутые кресты. Чтобы изобличить преступника, Ардашеву предстоит не только понять мотивы его злодеяний, но и проверить на прочность семейные узы, став любовником... своей собственной жены!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093724-0

© Любенко И., текст, 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

• 1 •

МОДИСТКА

Женщина — создание беззащитное. Особенно если она молода, красива и бедна. И сколько же кружится вокруг такого мотылька хищников! Коллежские секретари и ассессоры из Присутственных мест с завитыми кверху усами, купцы-миллионщики с блестящими на солнце лысынами, напористые, как эскадрон, корнеты и убеленные сединой отставные генералы. Все они — кто подолгу, а кто мельком — останавливали взгляд на юной Сильфиде, проплывающей среди разодетых манекенов ателье «Мадам Дюклэ», что находилось в Петрограде на Измайловском проспекте. Но больше всего Анну раздражали приставучие, как клейстер, приказчики галантерейного магазина «Парижский свет», ведь с ними очаровательной модистке приходилось общаться два раза в неделю.

Вот и сейчас она стояла у прилавка и пересчитывала отпущенный в кредит товар: агранант восьмигранный — пять аршин; стеклярусные кружева по тюлю (черные и цветные) — по пять аршин каждого наименования; плюмаж из птичьего пера (цвета гелиотроп) — две коробки; лента муаровая — десять аршин; лента атласная (красная) — семь аршин; пуговицы кокосовые: с ножкой — сто штук, с прошивными ушками — пятьдесят штук; эластики для подвязок — тридцать штук; бахрома с золотом — десять аршин; канитель серебряная — восемь аршин; белый газ — десять аршин; красный рытый бархат — пятнадцать аршин; швейцарский муслин на коленкоре — двадцать аршин.

— И все-таки вы не ответили на мой вопрос, будете ли вы свободны на этой неделе? — пропел над аккуратным ушком высокий приказчик с напomaженными волосами.

— Простите, Тимофей Спиридонович, но у нас много работы, — смущаясь, вымолвила барышня.

— Ох, Анна Ивановна, Анна Ивановна! Не жалуете вы меня. Вот уже почти год, как я пытаюсь обратиться на себя ваше внимание, но все без толку.

— Работы много-с, — едва слышно пролепетала девушка. — Да и хозяйка строга.

— Да при чем тут хозяйка? Вы смотрите, какие погоды стоят! Морозец совсем легкий! Солнечно и тихо!

Для здешних мест — большая редкость. В феврале у нас самые холода да ветра с Финского залива... А тут — Божья благодать. Покатались бы на сани, в кондитерскую бы зашли, чаю или кофею откушали. Или вот давайте фильму новую посмотрим, комедию, с Людвигом Трауманом, «Пожиратель женщин» называется, а?.. Жизнь-то проходит, Анечка! Дорогая!

— Но вы же, Тимофей Спиридонович, женаты. Семья у вас...

— И что? — Мужчина даже выпрямился от удивления. — Чем вам, скажите, моя семья повредить может? Я ведь вас из уважения, можно сказать, на прогулку приглашаю. Ничего такого-с, предосудительного... А впрочем, — он горько вздохнул и махнул рукой, — у вас вечные отговорки. Ладно. Нет так нет. Прикажете заворачивать?

Модистка кивнула.

— А вы, Анечка, с извозчиком прибыли? — за спиной белошвейки раздался чей-то резкий, как скрип ржавой калитки, голос. Обернувшись, она увидела управляющего галантерейного дома господина Мориса Гюстена, только что вышедшего из своей комнаты. Слегка поклонившись, девушка ответила:

— Нет, на трамвае. Но теперь придется нанять извозчика.

— Не стоит, право, беспокоиться. Для вас, как для постоянной покупательницы, не только скидки, но и бесплатная доставка-с. — Он повернулся в сторону приказчика и распорядился: — Тимофей, помогите Анне Ивановне товар погрузить. Экипаж за наш счет.

— Сию минуточку...

— Вы очень добры, месье Гюстен, — пролепетала брюнетка и зарделась.

— Ну, голубушка, как поживаете?

— Все хорошо-с, — ответила Анна и опустила глаза. Она чувствовала, как по ее лицу и стану скользил бесцеремонный взгляд француза.

— Я вижу, у вас много работы.

— Да. Поступил заказ от Александрийского театра.

— О! Это большая честь! — воскликнул галантерейщик. — Передайте мои поздравления мадам Вяземской.

— Всенепременно-с...

— А впрочем, я ее и сам увижу на днях... А вы, голубушка, засиделись в белошвейках. Пора бы уже и на серьезную должность определяться. У меня, кстати, вакансия открылась — уволился приказчик, отвечавший за прием товара. Вот и пожалуйста на его место. Милости, как говорится, просим. Месячное жалованье на первое время — сорок рубчиков. К концу года, если с делом будете справляться, подниму до пятидесяти.

Фаина Мелентьевна, при всем моем уважении к ней, и тридцати вам не платит, так?

— Все так неожиданно, месье Гюстен, — девушка ушла от прямого ответа. — Я и не знаю, что сказать. Ведь госпожа Вяземская так много сделала для меня... Особенно после того, что случилось с матушкой.

— Да, я слышан об этой трагедии. Но ведь я вас не тороплю. Подумайте. А в среду, — он повернулся к висевшему на стене календарю, — сообразоволяйте ответить. Больше времени дать не могу — коммерция промедления не терпит. Договорились?

— Да-да, — закивала головой модистка. — Я обязательно, обязательно вам протелефонирую... завтра.

— И славно! Я уверен, — он приблизился на шаг, заглядывая собеседнице в глаза, — мы с вами сработаемся, не правда ли, милочка?

— Конечно, — отступая, пробормотала девушка, — непременно...

Заметив, что весь товар уже вынесли и приказчик в нерешительности топчется у дверей, она промолвила:

— Простите, мне пора.

— Ступайте, дитя мое. Я буду ждать вашего решения, — менторским тоном провещал француз и подкрутил и без того вздернутые кверху усы.

Анна торопливо покинула торговую залу и вышла на улицу. Картонные коробки и завернутые в бумагу

отрезы были уложены таким образом, что оставалось место и для пассажира. Приказчик галантно подал руку и помог барышне забраться в экипаж.

— Спасибо, Тимофей Спиридонович. Вы очень любезны.

— Не стоит благодарностей, Анна Ивановна. Мое сердце для вас всегда открыто. — Он повернулся к извозчику и повелел: — На Измайловский, к салону «Мадам Дюклэ», да смотри побыстрее и поаккуратней!

— Ученого учить, что мертвого лечить, — повернувшись к приказчику, дерзко ответил извозчик. Вскинув вожжи, он крикнул: — Но, милаи! Поехали!

Пролетка понеслась по заснеженной мостовой. Железные обода со скрипом давили сахарный снег. В движении холод чувствовался сильнее. Пуховый белый платок, ротонда, отделанная кроличьим мехом, и муфта надежно согревали девушку. А мороз все не успокаивался. Он, точно навязчивый сладострастник, норовил залезть под юбку, коснуться своим холодным дыханием нежного женского тела, но, несмотря на все старания, ничего у него не выходило. Зимнее *dessou*¹, согревавшее стройные ножки, облаченные в дешевые фильдекосовые чулки, сводило на нет все непристойные устремления февральского волокиты. От злости и

¹ *Dessou* (фр., уст.) — 1) нижнее белье; 2) нижняя юбка (прим. авт.).

бессилия неудовлетворенный ловелас принялся пощипывать нос и колотить невидимыми иголками раскрасневшиеся девичьи щеки.

«Ехать еще не меньше четверти часа», — подумала Анна. Чтобы совсем забыть о холоде, она стала смотреть по сторонам и читать вывески торговых рядов, лавок и модных салонов. Многие названия были для нее знакомы, но из-за дороговизны недоступны, хотя в некоторых она уже и бывала — делала покупки для своей хозяйки. Огромные витрины, украшенные еще до Рождества, изумляли разнообразием и изысканностью. Особенно поражал магазин игрушек Дойникова в Гостином дворе. В саженном окне была выставлена большая кукла с золотистыми локонами в пышном кружевном платье. Она, точно живая, поворачивала голову и даже кланялась. В России такие механизмы делать не умели, и наверняка ее привезли из Германии еще до войны. Ведь теперь за одно упоминание о немецком товаре полиция могла прикрыть торговлю.

Аня, выросшая без отца, вспомнила, как в детстве, проходя мимо такой же витрины, она просила маму остановиться и постоять минутку-другую. Нет, она никогда не кланчила и не просила купить ей такое чудо, отлично понимая, что для этого у них просто не было денег. Зато потом, всю дорогу до маминой работы — небольшой портняжной мастерской, расположен-

ной в подвале, — она представляла, как наряжала бы новую подружку и даже кормила бы ее овсяной кашей из чайной ложки. Но Жази — почему-то именно так она нарекла ее — наверное, тоже отказалась бы от этого жидкого невкусного варева.

И так они останавливались каждый день у витрины, смотрели на нее и молчали. Мама и дочь. Вскоре они не заметили, как привыкли к ней, сроднились. Жази стала частью их существования. Каждое утро девочка, перебирая своими маленькими, точно фарфоровыми ножками, бежала за мамой вприпрыжку, предвкушая новое свидание с любимой куклой.

Но однажды она исчезла. Ее купили. Полукруглый оконный проем смотрел слепой глазницей. Анюта рыдала, а мама успокаивала ее и говорила, что это даже очень хорошо, что Жази забрали, потому что в таком большом холодном магазине ей, вероятно, было зябко. К тому же, добавляла мама, она попала в добрую семью. И там ее будут любить. И, возможно, даже больше, чем мы. Эти слова обижали девочку, и Анюта выкрикивала сквозь слезы, что никто и никогда не сможет любить Жази больше, чем она. Мама гладила ее по головке, вздыхала и, смахивая украдкой жемчужную слезинку, соглашалась.

Полина Евграфовна Извозова ослепла два года назад. Глаза золотешвейки не выдержали ежедневного напряжения, и утро однажды для нее так и не насту-

пило. Сорокалетняя женщина погрузилась во тьму. Знакомый врач, который наведывался в доходный дом на Болотной, лишь разводил руками, тряс головой и что-то лепетал про катар глаз и сигнатуру. Только все оказалось тщетно. Ни сабуровые капли, ни промывания квасцовой водой, ни васильковые компрессы не помогли вернуть зрение. И постепенно мать смирилась с судьбой.

К тому времени, когда случилось несчастье, Аня уже работала модисткой в салоне «Мадам Дюклэ». Новая хозяйка сохранила старое, привычное для горожан название. Узнав, что девушка содержит не только себя, но и больную мать, она добавила к ее месячному жалованью десять рублей. Правда, появились и новые заботы: Анна теперь не только шила восточной, мозаичной гладью и сутажем, исполняя всевозможные виды кружев (от датского «Гедебо» до бразильского Sols), но и отвечала за закупки товара. Жизнь, хоть и омраченная внезапным недугом матери, постепенно налаживалась и становилась на прежние рельсы. Да и сосед Алексей — студент Технологического института — ухаживал за Анной с таким подобострастием, что в серьезности его намерений сомневаться не приходилось.

Мелькали дома и старинные особняки. Пугая прохожих, выскочил автомобиль и, как сумасшедший, прокрикал клаксоном. Совсем рядом степенно прогромыхал желтый трамвай. Запахло машинным маслом. На

перекрестке встретился строй солдат с винтовками. Улыбчивый подпоручик поймал ее взгляд и приветливо махнул рукой. В ответ Анна, румяная и красивая от мороза, послала ему воздушный поцелуй. «Кто знает, — подумала она, — сколько жить осталось этому молодому офицеру». Она вспомнила, как недавно провожала вместе с Алексеем его друга, который отправлялся вольноопределяющимся в пехотный полк. Составы на Варшавском вокзале стояли на разных путях и уходили бесконечной чередой, один за другим. А назад они возвращались с ранеными. Для их приема была проложена ветка, шедшая от городской трамвайной сети.

Экипаж незаметно подкатил к ателье, и девушка принялась заносить коробки и свертки. На помощь ей тотчас же бросился закройщик — Арон Яковлевич Шнеерзон, который в это время, по обыкновению, выходил курить. Ни для кого не было секретом, что пятидесятилетний вдовец питал к модистке нешуточные симпатии. Поговаривали даже, что он собирался сделать ей предложение. Но трагедия с матерью остановила его. Брать на свое содержание такую обузу Шнеерзон не решился. И «птичка» упорхнула. Вернее, ее увели из-под самого носа. Кавалером оказался какой-то худосочный студентка в черной двубортной шинели и фуражке с лакированным козырьком. Но закройщика отчего-то больше всего раздражали его золотые пуговицы,

отливающие на солнце ярким светом, и наплечный вензель с изображением двух знаков: «НН». И потому всякий раз, когда Арон Яковлевич узнавал о появлении в ателье этого высокого и улыбчивого молодого человека, у него портилось настроение и появлялось жгучее чувство ревности. Это было видно по его недовольному лицу, которое в эти минуты он опускал над раскройным столом еще ниже. «Только жизнь — штука переменчивая, — мысленно рассуждал Шнеерзон. — Глядишь, и заберут ухажера на фронт. И вот тогда, может, все и повернется совсем другим, светлым боком».

Но пока все оставалось по-прежнему, и Анна, судя по всему, была без ума от своего поклонника.

Фиакр освободили, и тяжелая деревянная дверь швейного магазина «Мадам Дюклэ» захлопнулась. А внутри, как всегда, царила обычная дневная суета, и модистка принялась за работу.

• 2 •

НОЧНОЙ ГОСТЬ

И все-таки он пришел. А я так надеялся, что мы навсегда расстались. Я ведь выполнил все, что он приказывал, но вчера сатана явился вновь. Я почувствовал, что кто-то пристально смотрит на меня, и от этого проснулся. Возникнув прямо из сна, он стал явью.